

дель поведения уже в процессе совместной деятельности (если последняя не отвечает интересам конкретных социально-профессиональных групп). Следовательно, долговременный успех создания (и последующего функционирования) интеграцион-

ного образования в рамках ОНП предполагает согласованность (сбалансированность, общность в той или иной степени) интересов каждой группы стратегических стейкхолдеров применительно к каждому участнику интеграционного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винслав Ю.Б. Институциональное регулирование сбалансированности рыночных сфер производства, труда, науки и образования // РИСК. 2015. № 4. С. 231–249.
2. Демидова А. ДНК от Минпромторга // Газета «Ведомости» от 7 июня 2016 г., № 101 (4090).
3. Карпузов А.Ф., Тарасов А.Ф. Стратегические векторы развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации на современном этапе (выбор пути) (elibrary.ru> item.asp?id=24852427) — дата обращения 30.10.2016 г.
4. Лисов В.И., Кушель Е.С. О стекхолдерской концепции стратегии вуза и механизмах ее реализации // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2012. № 3. С. 53–76.
5. Прокопенко А., Мереминская Е. Поддержка лозунгом // «Ведомости» от 10 июня 2016 г., № 104 (4093).
6. Социально-экономическое положение России. Январь-сентябрь 2016 год. М.: Росстат, 2016. С. 22–23, С. 143–144.
7. Старинская Г. Юниоры разбудят недра // «Ведомости» от 1 ноября 2016 г., № 205 (4194).

УДК 338

ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ: ЧТО ДЕЛАТЬ С СОБСТВЕННОСТЬЮ, УЧИТЫВАЯ МИРОВОЙ ОПЫТ И ИМПЕРАТИВЫ ГЕОПОЛИТИКИ

В.В. БУКРЕЕВ¹, А.Н. ЛУНЬКИН², Э.Н. РУДЫК²

*¹Российский государственный геологоразведочный университет
117997, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23; e-mail: viven@mail.ru, msk_2008@mail.ru*

*²Государственный университет «Дубна»
141980, Россия, Московская область, г. Дубна, ул. Университетская, 19; e-mail: emileroudyk@list.ru*

Аргументируется необходимость изменения координат реформирования собственности в природно-ресурсной сфере в направлении социализации собственности. Дано авторское определение этой категории — повышение степени удовлетворения потребностей социума, как на предприятии - рядовых работников, менеджеров, владельцев имущества, так и вне его — потребителей товаров и услуг, населения территорий местонахождения предприятия и страны в целом, а также вовлечение в этот процесс всех заинтересованных лиц. Выявлены барьеры на пути социализации, а также предложены технологии их преодоления с учётом мирового опыта и современных геополитических реалий.

Ключевые слова: собственность; индустриализация; недропользование; коммерциализация; приватизация; национализация; социализация.

NATURAL RESOURCES COMPLEX OF RUSSIA: WHAT TO DO WITH THE PROPERTY, CONSIDERING THE INTERNATIONAL EXPERIENCE AND THE IMPERATIVES OF GEOPOLITICS

V.V. BOUKREEV¹, A.N. LUNKIN¹, E.N. RUDYK²

*Russian State Geological Prospecting University
117997, Russia, Moscow, Miklouho-Maklaya street, 23; e-mail: viven@mail.ru; msk_2008@mail.ru*

*State University “Dubna”
141980, Russia, Moscow region, Dubna, Universitetskaya street, 19; e-mail: emileroudyk@list.ru*

The necessity of the changes in the coordinates of the property in the natural resource field in the direction of the socialization of the property is justified. The author's definition of this category is given as an improvement of the satisfaction of the needs of the society, both at the enterprise — employees, managers, property owners, and outside the enterprise — consumers of the goods and services, the population of the territories where the business is and the whole country, and as well the involvement of all stakeholders in this process. The barriers are identified in this way, and the technologies to overcome them are considered, considering the international experience and modern geopolitical realities.

Keywords: property; industrialization; subsoil use; commercialization; privatization; nationalization; socialization.

Результаты реформирования собственности в промышленности за последние четверть века — в целом провальные. Россия отстает от ведущих стран мира по технологическому развитию: почти треть её промышленных технологий относятся к третьему технологическому укладу, 50 % — к четвёртому укладу (в США — 20 %), около 10 % — к пятому укладу (в США — 60 %). Производить товары шестого технологического уклада, к которому переходят передовые страны, наша экономика пока не способна. Для сравнения: доля США в шестом технологическом укладе составляет, по различным оценкам, от 5 до 10 %, Германии — более 5 %, в Японии — 5 % [1, 2].

Степень износа основных фондов российских предприятий продолжает расти: в конце 2014 г. износ составил 49,4 % [15]⁵ и быстро решить эту проблему не представляется возможным в силу различных экономических, технологических и геополитических причин. Сегодня в России, как правило, неэффективно работают промышленные предприятия всех форм собственности как государственные, так и частные. Страна фактически превратилась в кладбище предприятий-банкротов. Можно констатировать примитивизацию производства, технологий, выпускаемой предприятиями продукции.

Социальные последствия реформирования отношений собственности не менее удручающие. Произошел беспрецедентный рост имущественного расслоения в обществе (достоверная статистика отсутствует). По экспертным оценкам, соотношение доходов 3 % самых богатых и 3 % самых бедных различается более чем в 800 раз [15]. По существу Россия раскололась на две страны — Россию богатых и Россию бедных. Наблюдается примитивизация труда, рост социальной апатии, физическая и нравственная деградация населения, угроза использования «отверженных» в «чужих» целях для дестабилизации, дезинтеграции и утраты суверенитета страны. Печальный перечень может быть продолжен.

Внешне в более выгодном свете выглядит ситуация в природно-ресурсном комплексе, рентабельность которого почти в четыре раза превышает среднероссийский показатель (3,5%) [15], что неудивительно. Владельцы предприятий, входящих в этот комплекс, присваивают значительную часть природной ренты⁶. Кроме того, этот сегмент отечественной экономики притягивает основной объём иностранных инвестиций и технологий.

Тем не менее природно-ресурсному комплексу, большая часть предприятий которого стали частными, присущи как общероссийские, так и отраслевые проблемы. В частности, доля основных фондов российских нефтегазовых компаний сферы недропользования, работающих на отечественном рынке, как правило, далеко не высокотехнологичном оборудовании, колеблется, по экспертным оценкам, в диапазоне 25—35%.

Неудивительно, что Россия — мировой лидер по добыче нефти и природного газа, далеко отстала в мировом рейтинге по глубине их переработки, занимая скромное 20-е место [17]. Радикально изменить такое положение вещей страна пыталась за счёт импорта добывающего и перерабатывающего оборудования для нефтегазового комплекса (заметим, далеко не новейшего).

В условиях санкций против России [10]⁷ поставки такого оборудования из западных стран резко снизились, что может осложнить поддержание текущих темпов добычи сырья, в особенности при добыче трудноизвлекаемых ресурсов (Россия, за редким исключением, не обладает такими технологиями), а также привести к переносу во времени реализацию некоторых российских проектов. В частности, ряда перспективных проектов в Арктике, шельф которой в условиях истощения российских нефтяных месторождений должен обеспечивать около четверти всей нефтедобычи России [10]. Западные санкции также оказывают негативное воздействие на добычу полезных ископаемых на старых месторождениях с участием иностранного капитала.

⁵ Данная динамика характерна и для добывающей промышленности, несмотря на то, что она располагает значительными финансовыми ресурсами. В частности, износ основных фондов в газовой промышленности составляет 60%, в нефтепереработке — 80%, в угольной промышленности — до 90% [14, 19], Росстат www.gks.ru/wps/wcm/coimect/rosstat_main/rosstat/m/statistics/enterprise/fimd/# — дата обращения 22.11.2016.

⁶ Мировой опыт свидетельствует о возможности направления значительной, а в отдельных случаях большей части доходов от недропользования на социальные нужды граждан, как это имеет место, например, в Норвегии, в которой природные ресурсы страны объявлены достоянием народа.

⁷ Введенный США запрет на поставку оборудования для глубоководной добычи нефти, разработки сланцевых запасов и арктического шельфа; введенный Евросоюзом запрет на поставку буровых платформ, насосов высокого давления, дистанционно управляемых подводных аппаратов и т.д.; ограничение предоставленных российским компаниям кредитов 30 днями и ряд других.

В условиях санкций зарубежные компании вынуждены сворачивать свою деятельность в стране, забирая принадлежащее им технологическое оборудование, а Россия — закупать не лучшие аналоги на Востоке либо пытаться производить его своими силами. Головные иностранные компании, к тому же, оказывают давление на свои дочерние предприятия в «несанкционных» странах, чтобы они также включились в антироссийские санкции посредством отказа от крупных технологических контрактов с Россией или, по крайней мере, затягивания сроков исполнения.

В качестве антисанкционной меры Минэнерго России предлагает запретить экспорт в Россию морских нефтедобывающих платформ и электроники для них, бурового оборудования, электрических насосов. В этом случае под запрет подпадет 68% импортируемого нефтегазовыми компаниями оборудования [7, 11]. Сможет ли Россия заместить этот объём за счёт собственного производства или альтернативных поставок из других стран, например, Китая? Также открытым остаётся вопрос цены и качества поставляемых технологий для сферы отечественного недропользования.

Решая указанные проблемы в контексте обеспечения эффективного управления собственностью в природно-ресурсной сфере, важно не наступать на «старые грабли».

Во-первых, отстаивание адептами рыночного фундаментализма, обслуживающими власть, основополагающего тезиса о «свободном рынке». Воспеваемый ими свободный рынок, который «всё сам отрегулирует» в сфере управления недропользованием, неспособен выполнить возложенную на него миссию. Прежде всего по той причине, что в реальной жизни свободного рынка нет. Его наличие правомерно лишь в рамках «идеальных моделей» хозяйствования на рыночных началах. Кроме того, рынок имеет известные в экономической теории «провалы». Наконец, нынешние российские реалии вынуждают власть использовать чуждые рынку административные методы в экономике, так называемое ручное управление в «явном» или «теневом» исполнении. Таким образом, практика, как критерий истины, не подтверждает тезис о «свободном» рынке, равно как и о «свободной конкуренции» [11]. Так, в России только восемь нефте- и газодобывающих компаний обеспечива-

ли на начало 2014 г. более 60 % российского экспорта в стоимостном выражении [1].

Во-вторых, установка на повсеместную коммерциализацию важнейших сфер российской экономики, включая природно-ресурсный комплекс, который служит основным финансовым источником обеспечения национальной безопасности и поддержания, хотя и на низком уровне, социальной устойчивости страны.

Власть, пожалуй, начинает осознавать негативные последствия названного процесса. В качестве первого шага в этом направлении могут служить её подвижки позиции в этом вопросе. Так, распоряжениями Правительства РФ от 15 октября 2015 г.⁸ пять научно-исследовательских геологических предприятий научного профиля подлежат преобразованию в федеральные государственные бюджетные учреждения, т. е., в некоммерческие организации, которые Распоряжением Правительства РФ от 20 августа 2009 г. № 1226-р включены в перечень стратегических организаций, не подлежащих приватизации⁹.

В-третьих, тезис об изначальной неэффективности исполнения государством функций собственника и предпринимателя по сравнению с частным капиталом, что не подтверждается мировой практикой. В большинстве стран нефтедобывающие компании остались в государственной собственности (например, в Китае, Саудовской Аравии, Малайзии, Кувейте) либо находятся под государственным контролем. В частности, компании ENI — в Италии, Statoil — в Норвегии, Petrobras — в Бразилии, Elf-Erap — во Франции, British National Oil Corporation — в Великобритании. Следует отметить, что эти компании фигурируют среди мировых лидеров по росту производства и экспорта продуктов с высокой глубиной переработки нефтегазового сырья. Акции таких компаний, которые находятся под контролем государства, как собственника, котируются на фондовых биржах [12].

За рубежом полномочия государства не ограничиваются исполнительными функциями. В интересах будущих поколений оно может, в качестве регулятора, законсервировать часть месторождений углеводородов и минерального сырья, как это имеет место в ряде развитых стран, например, в США [9] либо временно запретить или резко огра-

⁸ №2060-р, №2061-р, №2062-р, №2063-р, №2064-р.

⁹ Краткий комментарий. Казалось бы, благо для общества, что государство воздерживается от продаж высоколиквидных предприятий сферы недропользования, доходы которых, по меньшей мере, частично, идут на финансирование различного рода социальных программ. Но зная историю российской приватизации, похоже, что на практике воплощается старая идея «наших» либералов о сохранении в государственной собственности только тех организаций, которые не могут быть рыночными, ставящими своей основной целью извлечение прибыли. Остальные ФГУП остаются в прогнозном плане приватизации. Главными бенефициариями подобных преобразований станут, скорее всего, крупные частные собственники в сфере недропользования, избавленные таким образом властью от проведения затратных и рискованных геологических изысканий. В результате их прибыль возрастет, особенно в случаях использования коррупционных схем. Перефразируя крылатое изречение известного златоуста: «хотели, как лучше, а общество получает, как всегда...».

ничить экспорт углеводородов и иного сырья. Это было сделано, например, в Ливии (во времена Муамара Каддафи), Ираке (при Саддаме Хусейне), Малайзии.

Российские авторы тезиса об изначальной неэффективности исполнения государством функций собственника и предпринимателя по сравнению с частным капиталом не только игнорируют мировую практику, но и не проводят различия между теми государственными предприятиями, главной целью деятельности которых является извлечение прибыли, и государственными предприятиями, входящими в некоммерческий государственный субсектор. Их эффективность не может быть оценена с использованием таких традиционных экономических показателей, как прибыль, рентабельность и т. п.

В-четвёртых, положение о частной собственности как доминирующей и единственной охраняемой форме собственности (ст. 35 Конституции РФ) в экономике многоукладного типа. В этих условиях государственная собственность оказалась не только наименее управляемой, но и наиболее уязвимой, незащищённой, а в случае сферы недропользования открытой для экспансии иностранного капитала (государственная форма собственности, по крайней мере формально, препятствует этому процессу). Как признал В.В. Путин, «зарубежные капиталы...подпускаем к действительно «лакомым кускам», в частности в топливно-энергетическом комплексе» [12]. В результате более 80% предприятий минерально-сырьевого комплекса [13] оказалась под контролем иностранного капитала, требующего открытого доступа к общемировым минерально-сырьевым ресурсам, но не к своим [9].

В соответствии с законодательством США и Китая к нефтегазовому комплексу допущены только национальные компании. Это обусловлено стратегической значимостью для безопасности этих стран результатов геолого-разведочных работ, сейсморазведки, бурения, геофизических исследований скважин на суше и море [5].

Приватизация предприятий недропользования, которая по своим масштабам далеко вышла за пределы, обусловленные необходимостью ликвидации монополии государственной собственности [8, 9], отодвинула на второй план иные инструменты управления государственной собственностью: аутсорсинг, аренду, доверительное управление, концессию и другие механизмы управления, которые не связаны с переходом имущественных прав.

Практика показывает, что социальная и экономическая результативность работы хозяйствующих субъектов напрямую не связана с формой собственности. Она определяется рядом других обстоятельств: качеством управления, трудовым потенциалом, степенью вовлечения работников в управление производством и распределением результатов,

способностью к инновациям, близостью к власти и многими другими. Эти обстоятельства игнорируются при проведении реформы собственности в России. Так, Минфин РФ предлагает приватизировать в 2016 г. успешно функционирующую компанию «Роснефть», с преобладающим участием государства в её капитале, результаты деятельности которой на деле опровергают вышеупомянутый тезис об изначальной неэффективности государства как собственника и предпринимателя.

В-пятых, тезис об ущербности предприятий с негосударственными формами собственности, прежде всего коллективной (производственных кооперативов, старательских артелей в сфере недропользования и др.).

В качестве главных аргументов в пользу такого тезиса обычно приводятся:

1) стремление работников максимизировать свои текущие доходы в ущерб инвестициям;

2) меньшая заинтересованность в нововведениях, требующих сокращения занятости;

3) трудности с привлечением высококлассных управляющих из-за более высокой оплаты их труда компаниями традиционного типа по сравнению с предприятиями с демократической системой хозяйствования, на которых установлены ограничения по оплате труда всех категорий работников;

4) проблема нахождения «равновесия» между демократией на производстве и компетентностью принимающих управленческие решения.

Между тем анализ работы отечественных и зарубежных компаний с демократической системой управления, включая природно-ресурсную сферу, показывает возможность их эффективного хозяйствования при выполнении ряда обязательных условий. В частности:

1) сочетание участия работников в управлении предприятием и распределении его доходов и убытков;

2) долговременный найм персонала или его кадрового ядра, что не только повышает заинтересованность работников в успехе своего предприятия, но и, как правило, не приводит к ситуации, при которой работники не заинтересованы в долгосрочном инвестировании предприятия;

3) введение ограничений размеров заработной платы для всех категорий персонала, включая высших топ-менеджеров, что содействует повышению доверия, как между работниками и менеджментом, так и между рядовыми работниками, без чего трудно рассчитывать на достижение высоких стабильных экономических и, особенно, социальных показателей работы предприятия;

4) доступ работников и/или их представительных органов, а также внешнего окружения предприятия к информации о положении дел на предприятии и планах его администрации;

5) наличие «опорных структур» в виде банков, инвестиционных компаний, «касс взаимопомощи», консультационных служб, инкубаторов неприбыльных организаций, оказывающих правовую и иную помощь состоящим в них предприятиям с демократической системой управления на этапе их создания и становления, систем обучения работников участию в принятии решений. В случае отсутствия таких систем производственная демократия, как показывает опыт, малоэффективна, поскольку некомпетентные в вопросах управления работники не могут реально участвовать в управлении предприятием.

Что же следует предпринять в части повышения эффективности управления собственностью в условиях императива проведения «новой индустриализации» в природно-ресурсной сфере, являющейся необходимым условием преодоления отставания от иностранных компаний, которые повышают конкурентоспособность на основе применения новейших достижений науки, техники и управленческих технологий.

Это требует концентрации государством материальных и нематериальных ресурсов, а также народно-хозяйственного планирования в директивной форме для государственных предприятий нерыночного сектора экономики и договорной форме для частных, коллективных предприятий и части государственных компаний рыночного сектора экономики.

В качестве важнейшего инструмента концентрации государством ресурсов в современных геополитических реалиях представляется целесообразным использовать механизм национализации. Точнее, деприватизации наиболее значимых предприятий природно-ресурсной сферы, поскольку в стране на момент приватизации отсутствовала крупная и средняя частная собственность.

Сдерживающими факторами национализации (деприватизации) являются нежелание власти пересмотреть итоги приватизации 90-х гг. прошлого века, а также недостаточная (на сегодняшний день) активность гражданского общества, которая заставила бы власть активизировать процесс восстановления прав государства как собственника. Другой вопрос, возникающий при национализации — её экономическая цена. Мировая практика свидетельствует, что национализация может проводиться как на возмездной основе — в денежной форме или в виде долгосрочных государственных облигаций, подлежащих погашению по истечении срока, определенного законодательством о национализации, так и на безвозмездной. Конституция РФ обуславливает «принудительное отчуждение имущества для государственных нужд» предварительным и равноценным возмещением, что, по нашему мнению, противоречит ряду международных актов. Например, Европейская конвенция по пра-

вам человека не гарантирует права на получение полной компенсации при любых обстоятельствах, поскольку законные «интересы общества» могут требовать выплаты возмещения в сумме ниже полной рыночной стоимости [20].

В правительственном законопроекте (№ 311559-3 2004 г.) допускается возможность национализации предприятий обеспечивающих обороноспособность и безопасность государства, к которым, естественно, относится природно-ресурсная сфера. Проведение национализации обуславливается предварительным, единовременным и равноценным возмещением Российской Федерацией национализируемого имущества по рыночной стоимости в денежной форме, а также других убытков (включая «упущенную выгоду»), причиняемых прежнему собственнику за счёт средств федерального бюджета (ст. 2, 13). Если будет реализована эта схема, то национализация может оказаться более разорительной для страны, чем приватизация.

Авторы данного законопроекта, прежде всего, не делают различий между изначально частной собственностью и частной собственностью, созданной в процессе приватизации на основе сильно недооцененного государственного имущества. Если в первом случае допустима компенсация её бывшим владельцам в размере рыночной стоимости национализируемого имущества, то во втором — возможны варианты. Например, вначале собственники приватизированного имущества обязаны выплатить «компенсационные возмещения» за недооцененное имущество либо намеренно заниженную стоимость приватизированных предприятий либо за невыполненные социальные и инвестиционные условия сделок приватизации, а уже потом получить возмещение за национализированное имущество по рыночной стоимости. Тогда станет ясно, кто кому и сколько должен [19].

Возможен и другой сценарий национализации в природно-ресурсной сфере, при котором размеры государственных выплат за национализируемое имущество должны определяться исходя из продажной цены имущества предприятия на момент его приватизации. При этом должна быть сделана поправка на инфляцию, а также должны быть учтены улучшения, произведенные собственником с момента приватизации, если они были, и ущерб, который мог быть нанесен частным собственником предприятию, государству, обществу. Тогда также станет ясно, кто кому и сколько должен.

Относительно предлагаемых правительственным законопроектом выплат за национализируемое имущество исключительно в денежной форме, вперед и сразу, следует отметить, что в мире такого нет. Может быть, авторы правительственного законопроекта о национализации выполняют социальный заказ тех, кто хотел бы вернуть «с наваром» бывшее в употреблении государственное имущест-

во, либо тех, кто не уверен, что частная собственность всерьёз и надолго приживётся в России?

Не менее важным является вопрос: какими методами будет управляться государственная собственность в сфере недропользования, приращенная в процессе национализации: старыми дискредитировавшими себя административно-командными методами либо новыми, основанными на принципах участия работников в управлении производством на микроэкономическом уровне и общественно-государственного партнерства на мезо- и макроуровнях? По мнению авторов, речь должна идти не о примитивной концентрации собственности в руках государства, а о её социализации на демократической основе [3].

Под социализацией отношений собственности на уровне предприятия авторами понимается повышение степени удовлетворения потребностей социума, как «внутри» хозяйствующего субъекта — рядовых работников, менеджеров, владельцев имущества, так и «вне» его — потребителей товаров и услуг, населения территорий местонахождения предприятия и страны в целом, а также вовлечение в этот процесс всех заинтересованных лиц.

Процесс «социализации» на микроэкономическом уровне может быть материализован различными средствами, в частности, посредством организации так называемых «социальных предприятий» в рамках того, что в мире получило название «социальная экономика».

Главная цель образующих её предприятий — не извлечение прибыли. Прибыль, получаемая таким предприятием, может быть использована им исключительно для выполнения своей главной миссии — социальной. Её выполнение нередко стимулируется различного рода налоговыми и иными льготами на национальном, региональном и местном уровнях. В некоторых странах, например в Испании и Франции, социальное предприятие может распределять полученную прибыль между собственниками имущества, но в ограниченных размерах. В целом на социальных предприятиях, по экспертным оценкам, занято не менее 10 % рабочей силы Европейского Союза.

Другим путем повышения социальной составляющей предпринимательской деятельности является образование так называемых социально ориентированных предприятий. Их главная, но не единственная, цель — получение прибыли. При этом бо́льшая или значительная её часть не распределяется после уплаты налогов между собственниками имущества, в ряде стран — также между их работниками, а направляется на реализацию различного рода социальных целей. Этому содействуют различные формы и инструменты воздействия общества, государства, местных органов власти, граждан и их объединений на политику таких социально-ориентированных предприятий:

1) определение социальных целей деятельности частных предприятий путем заключения контрактов с органами государственной или муниципальной власти;

2) предоставление государственных и муниципальных заказов, льготных кредитов;

3) инвестирование со стороны государственных и негосударственных институтов, например, Международной ассоциации инвесторов, в социальную экономику. Эта ассоциация предоставляет социальные займы, а также направляет социальные инвестиции в объёме до 10 млн. евро в расчёте на один социальный проект. Инвестирование осуществляет также Институт за развитие социальной экономики, который предоставляет целевые заимствования или инвестиции в размере от 80 до 500 тыс. евро. Многие инвестиционные фонды дают средства и размещают заказы только на предприятиях с хорошим социальным лицом;

4) использование специального права, так называемой золотой акции, что даёт её владельцу (государству, муниципалитету, другому органу местного самоуправления) право блокировать неудобные ему решения предприятия. В частности, по вопросам внесения изменений и дополнений в его устав, принятия решений о его реорганизации, ликвидации, совершении крупных сделок;

5) установление ограничений прав титульных собственников имущества предприятия, включая различного рода обременения (сохранение производственного профиля предприятия, а также его персонала в течение определенного времени, определение предельного уровня рентабельности, как это, например, имело место в Англии при проведении приватизации и т. п.) согласно формуле: «собственность должна служить нации, территории, гражданам». Этому в немалой степени содействуют, во-первых, набирающий силу общемировой феномен расщепления «пучка» прав собственности на используемый в производстве капитал: прав владения, пользования и распоряжения. Во-вторых, все большее осознание обществом того, что обладание собственностью в юридическом смысле даёт ее владельцам не только определенные права (не абсолютные), но и налагает на них обязательства. Они могут быть приняты как в добровольном порядке, так и в договорном или принудительном.

По мнению авторов, наиболее значимые предприятия природно-ресурсной сферы, обеспечивающие национальную безопасность страны, должны получить в России статус социального либо социально ориентированного предприятия, не зависимо от формы собственности. Таковы реперные точки процесса управления собственностью в природно-ресурсном комплексе России с учетом зарубежного опыта и ситуации в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрунов С.Д. Инновационное развитие промышленности, как основа технологического лидерства и национальной безопасности России, СПб: Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2015, С. 4–47.
2. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Приватизация, национализация в России в современных геополитических реалиях // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2014. № 12. С. 12–26.
3. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Реиндустриализация недропользования на основе изменения системы координат реформирования отношений собственности // Вопросы политической экономии. 2105. № 3. С. 52.
4. Гомье Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика, М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1998. 407 с.
5. Козловский Е.А. Минерально-сырьевой комплекс остается главной опорой государства. [Электронный ресурс] www.onsb.org/.../nedropolzovanie-v-rossii-na-perepute. Nauga. Gurga 2012, 2 февраля — дата обращения 02.11.2016.
6. Кондратьев В., Государственное участие в экономике: исторический и современный контекст, проблемы // Менеджмент и бизнес-администрирование, 2014. № 2. С. 38–43.
7. Леонидов И. Нефтегазовая отрасль России требует государственного регулирования // Столетие. 2014. 08.12 — дата обращения 02.11.2016.
8. Лисов В.И. Некоторые аспекты развития минерально-сырьевого комплекса России в условиях модернизации экономики, М.: ЦентрЛитНефтеГаз, 2011. С. 36–50.
9. Лунькин А.Н. Управление собственностью в минерально-сырьевом комплексе России: федеральные, отраслевые и корпоративные аспекты. Старый Оскол: ООО ИПК «Кириллица», 2014. С. 66–83.
10. Международные санкции: угрозы, вызовы и возможности для модернизации экономики России, СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2014.
11. Пронин А. Удастся ли России обойти запрет на ввоз нефтегазового оборудования с помощью параллельного импорта // Ведомости, 2015. 16. 07.
12. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. № 225.
13. Путин В.В. Нам нужна новая экономика // Ведомости, 2012. 30.01.
14. Разведка и добыча: новые возможности старых нефтегазодобывающих регионов России // Экологический вестник России, [Электронный ресурс] ecovestnik.ru Наши Публикации>2284-gazvedka-i-dobycha... — дата обращения 22.11.2016.
15. Российский бизнес: портрет в цифрах. Доклад Президенту РФ. 2015. [Электронный ресурс] doklad.ombudsmanbiz.ru/pdf/2015_portret.pdf — дата обращения 02.11.2016.
16. Татаркин А.И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени // Экономическое возрождение России. 2015, № 2.
17. Чичкин А. Почему переработка нефти в России — одна из самых отсталых в мире? // Столетие, 22.02.2012), stoletie.ru — дата обращения 20.11.2016.
18. Шевчук А.Б. Масштабное наступление на социальные права населения России // Труд и социальные отношения. 2010. № 11. С. 21–27.
19. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р, [Электронный ресурс] energoeducation.ru/wp...2015/11/LAW94054_0_20151002... — дата обращения 02.11.2016.